

Е. П. Матвеев

Пушкин в Пскове

E. P. Matveev

Pushkin in Pskov

Матвеев Евгений Петрович
Matveev Evgeniy Petrovich
(03.08.1934 – 09.02.2011)

Е. П. Матвеев

Пушкин в Пскове

E. P. Matveev

Pushkin in Pskov

Pskov

2021

Е. П. Матвеев

Пушкин в Пскове

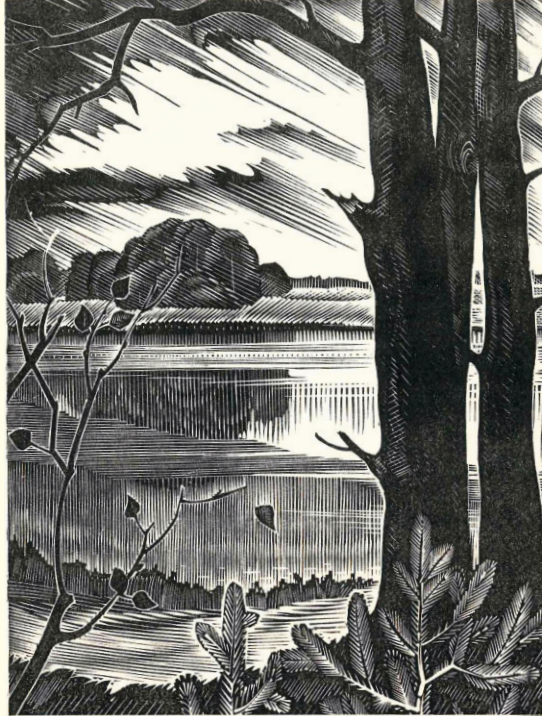
с иллюстрациями В. М. Васильева

Псков

2021

E. P. Matveev

Pushkin in Pskov

illustrations by V. M. Vasilyev

Pskov

2021

ББК 83.3(2Р-4Пс)-8 Пушкин
М 33

Перевод на английский язык - Т. Рыжова
Оформление - А. Русаков

Матвеев, Е. П. Пушкин в Пскове / Е. П. Матвеев ; ил. В. М. Васильева ; пер. на англ. яз. Т. С. Рыжовой. – Псков : [б. и.], 2021. – 103 с. : ил. – Текст на рус. и англ. яз.

Известный псковский краевед Е. П. Матвеев рассказывает о нечастых пребываниях А. С. Пушкина на Псковской земле, включая первую поездку в г. Псков на бал губернатора в 1824 г., осеннюю поездку в 1825 г. и встречу с архиепископом Е. Казанцевым, посещение имения Яхонтовых в Камно в 1826 г. и другие. Описываются не только сами поездки Пушкина в город, но и его высшее общество, известные личности; упоминаются памятники и церкви в форме исторического очерка о состоянии губернской столицы того времени. Используются стихи поэта, показана история их создания.

Аудиокнига.
Текст читает Заслуженный артист
России С. В. Попков

Translation into English – T. Ryzhova
Design – A. Rusakov

Matveev, E. P. Pushkin in Pskov / E. P. Matveev ; il. by V. M. Vasilyev ; translation into English by T. S. Ryzhova. – Pskov : [w. i.], 2021. – 103 p. : il. – Text in Russian and English.

The famous researcher of Pskov history E.P. Matveev, a Pskovite himself, tells here about Pushkin's rather few visits to the land of Pskov, including the first trip to the city of Pskov to be present at the Governor's ball in 1825, his autumn visit in the year of 1825 and his meeting then with bishop E. Kasantsev, also the visit to the Yakhontovs' estate in the village of Kamno in 1825, and some other visits. Besides, the author depicts high life of Pskov and its famous persons; some places and churches are mentioned in the form of an essay about the state of the Guberniya capital of that time. Several Pushkin's poems are used with the history of their creation.

Audiobook.

The text is read by Sergey Popkov,
Honored Artist of Russian Federation

Предисловие

Эта монография представляет собой изданное посмертно исследование известного псковского краеведа Евгения Матвеева. В 1998 году он опубликовал этот текст отрывками в газете «Псковская правда», а потом отдал рукопись артисту областного драматического театра Сергею Попкову, у которого она и хранилась до сих пор. После того, как Заслуженный артист России Сергей Попков передал рукопись Евгения Матвеева в Центральную городскую библиотеку Пскова, библиотекари решили её издать. Вместе с дочерью Евгения Матвеева Юлией библиотекари восстановили неясные места рукописного текста по публикациям в газете и уточнили все приведённые в этом исследовании факты и цитаты по другим источникам. Надеемся, что эта книга станет краеведческим раритетом, а также будет полезна всем, кто интересуется жизнью Пушкина и подробностями его пребывания на псковской земле.

Foreword

This monograph is a posthumously published work of the famous Pskov history researcher Evgeny Matveev. In 1998, parts of it were published in the newspaper Pskovskaya Pravda, and later he gave the manuscript to the actor of the regional drama theater Sergei Popkov, who kept it to this day. After the Honored Artist of Russia Sergei Popkov gave the manuscript of Evgeny Matveev to the possession of the Central City Library of Pskov, the librarians decided to publish it. Together with Evgeny Matveev's daughter Yuliya, the librarians renewed some obscure parts of the handwritten text according to the publications in the newspaper and collated all the facts and quotations in this study with some more sources. We hope that this book will become a real Pskov studies rarity and will also be useful to everyone who is interested in the life of Pushkin and the details of his stay in the Pskov land.

«...Пушкин, ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы, настоящий край вдохновения – и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы?», – так Кондратий Фёдорович Рылеев в январе 1825 года в письме из Петербурга в Михайловское сподвигнул на дальнейшие поэтические подвиги своего друга Пушкина, а через десять месяцев – в ноябре 1825 года в своём последнем письме (оказавшемся для него – Рылеева - последним) завещает Пушкину: «... на тебя устремлены глаза России, тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь поэт и гражданин!»

А незадолго до этого Евгений Боратынский, вторя Рылееву, пишет Пушкину: «Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился Гений! Возведи русскую поэзию на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Пётр Великий возвёл Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело – признательность и удивление».

«...Pushkin, you are near Pskov now: it's where the last flashes of Russian freedom have been strangled, it's a true area of inspiration – so, can it be that Pushkin would leave this land without a poem?» - by writing this in his letter from Petersburg to Mikhailovskoye in January, 1825 Kondraty Fyodorovitch Ryleev moved his friend Pushkin to new poetic deeds. Ten months later in November, 1825 in another letter (it appeared to be the very last one for Ryleev) he will address Pushkin with such parting words: «...eyes of Russia are looking upon you, you are loved, you are trusted, you have followers. Be, then, a poet and a citizen!».

Shortly before this Evgeny Boratynsky, in unison with Ryleev, wrote to Pushkin: «Go ahead, complete what you have started – you, in whom Genius has settled! Raise Russian poetry to such a stage in the poetry of all peoples to which Peter the Great has raised Russia among other countries. Do alone what he did alone; what we can do for you is gratitude and admiration».

Так случилось, что первые свои четыре поездки на Псковщину Пушкин совершает, минуя Псков. Дорога из Петербурга в Михайловское шла по восточной окраине губернии. Восторг знакомства с дедовскими имениями, чудесной природой Псковщины поэт выразил в проникновенном признании:

*Но ты, губерния Псковская,
Теплица юных дней моих...,
...Ты для меня страна родная...*

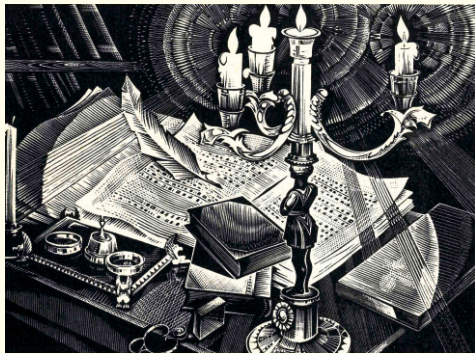
И отблеск этого восторга косвенно уже относился и к Пскову, с которым Пушкину, однако, пришлось познакомиться в чрезвычайно неприятных для него обстоятельствах.

It happened so that on his previous four visits to Pskovstchina Pushkin drove past Pskov. The road from Petersburg to Mikhailovskoe ran along the eastern outskirts of the province (guberniya). Enraptured by his grandfather's estates and wonderful nature of Pskovstchina the poet wrote a heartfelt lyric confession:

*But you, guberniya Pskovskaya,
Hot house of my younger days...,
...You are for me motherland dear...*

And this rapture reflected indirectly on Pskov, with which, though, he had acquainted himself under some extremely unpleasant for him circumstances.

Дело в том, что последний год четырёхлетней «Южной ссылки» Пушкин проводил в Одессе под началом Воронцова, с которым отношения не сложились. Воронцов кляузничал начальству на непокорного поэта, Пушкин написал прошение об отставке, власти узнали об увлечении изгнанника атеизмом, стали известны новые его вольнолюбивые стихи... и вот участь его решена... По указанию царя, Пушкина увольняют со службы и отправляют во Псков под надзор, который и должен устроить по приказу властей гражданский губернатор Пскова фон Адеркас. Адеркас докладывает в октябре 1824 года своему непосредственному начальнику Прибалтийскому генерал-губернатору маркизу Пауллуччи в Ригу:

The matter is that the last year of his four-year «South exile» Pushkin spent in Odessa under Vorontsov the relations with whom turned out to be rather complicated. Vorontsov used to inform the authorities against the unruly poet. Pushkin wrote an application of resignation. The authorities learnt that the exiled poet took interest in atheism, also his new freedom-loving poems became known. Thus his fate was decided... According to the order of the tsar Pushkin was discharged from the service and sent to Pskov under surveillance, which as it had been planned by the authorities, was to be carried out by the civil Governor of Pskov von Aderkas. In October 1824, Aderkas sent the following report to Riga to marquis Pauluttchy who was the Baltic General Governor and his direct chief:

«Имею честь получить предписание Вашего сиятельства о высланном по Высочайшему Его императорского Величества повелению на жительство в вверенную мне губернию коллежском секретаре Пушкине и о учреждении над ним присмотра, я относился к господину губернскому предводителю дворянства, дабы избрал одного из благонадёжных дворян для наблюдения за поступками и поведением его, Пушкина, и получил от него, господина губернского предводителя дворянства, уведомление, что попечителем над Пушкиным назначил он коллежского советника Рокотова, который, узнав о сем назначении, отозвался болезнью, а равно и от поручения, на него возложенного. Господин губернский предводитель дворянства, уведомив меня о сем, присовокупил, что помимо Рокотова, которому бы можно поручить смотрение за Пушкиным, он других дворян не имеет.

«Having the honor of receiving the instruction of your Excellency about Collegiate secretary Pushkin, who had been exiled by Highest order of His royal Majesty to live in the province I am in charge of, and about instituting control over him, I addressed Monsieur marshal of the province nobility so that he would choose one of most reliable nobleman to supervise Pushkin's behavior and actions, whereat I got from him, Monsieur marshal of the province nobility, a notice running that to watch over Pushkin he assigned Collegiate councilor Rokotov, who having learnt about the assignment reported himself sick and unable to fulfill the assignment.

Итак, по прибытии означенного коллежского секретаря Александра Пушкина и по отобрании у него подписки и по сношении о сем с родителем его господином статским советником Сергеем Пушкиным, известным в губернии как по его добронравию, так и честности и который с крайним огорчением об учинённом преступлении сыном его отозвался неизвестностию, поручив в полное его смотрение с тем заверением, что он будет иметь бдительное смотрение и попечение за сыном своим. Губернатор Борис фон Адеркас. 4 октября 1824 г. г. Псков».

Итак, Пушкин догадывался о той бюрократической возне вокруг его дальнейшей жизни под кровом родительского дома и под надзором светских и духовных губернских властей, ещё более его оскорбляла и возмущала необходимость дать подписку «жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благонаравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями, предосудительными и вредными общественной жизни и не распространять оных никуда».

After having informed me about this, Monsieur marshal of the province nobility added that except Rokotov there are no other noblemen who could be charged with supervising Pushkin. So on the arriving of the above mentioned Collegiate secretary Pushkin in Pskov and after he made a signed statement to the effect, we had talks on this matter with his father Monsieur councilor of State Sergey Pushkin, known in the province as an honest and well-behaved man who was greatly dissatisfied with the misdemeanor of his son, which made it possible to charge him with supervising the son on his positive statement to fulfill a vigilant surveillance and guardianship over the son. Boris von Aderkas, the Governor. October 4, 1824. The city of Pskov».

So Pushkin suspected of that bureaucratic fuss regarding his further life under the shelter of his paternal house and under the surveillance of civil and clerical authorities of the province. But more insulting and outrageous for him was the necessity to make a signed statement «to live in the estate of his father absenting himself for an instant, to be well-behaved, not to work at any improper literary writings, reprehensible and harmful for social life, and not to spread anywhere such ones».

Последней каплей, переполнившей чашу терпения поэта, явилась необходимость его присутствия на балу у губернатора, взявшего у него оскорбительную подписку в сентябре 1824 года, когда Пушкин впервые приехал во Псков. Первые впечатления о ближайшем окружении губернатора, от встречи с несимпатичными лицами (особенно женской половиной псковского бомонда) выливаются в саркастических строчках черновиков «Онегина»:

Но ты – губерния Псковская,

.....

Что может быть страна глухая,

Несносней барышень твоих?

Меж ими нет – замечу кстати –

Ни тонкой вежливости знати,

Ни ветренности милых илюх.

The drop to fill the cup of his patience was the necessity to be present at the ball of the governor who had made him sign that insulting statement to the effect in September 1824, when Pushkin came to Pskov for the first time. The first impression of the nearest Governor's environment, of meeting unpleasantly looking persons (especially of the female half of Pskov Beaumont) found its way into sarcastic lines in the rough copies of «Onegin»:

But you, guberniya Pskovskaya,

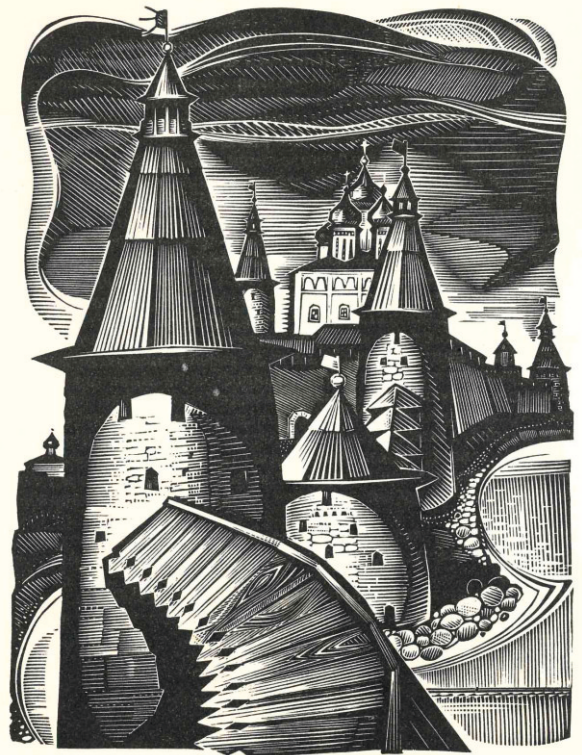
.....

*What can be worse, o you, deaf country,
Than those young local ladies of yours?
Among them, mind, you will not find
That subtle courtesy of the elite,
Or fickleness of pretty whores.*

*Я, уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Пороки, зуб нечистоту,
И непристойность и жеманство,
Но как простить им модный бред
И неуклюжий этикет.*

*For Russian spirit I of course
Would pardon snobbishness and gossip,
Jokes of their families, their sins
And being badly cleaned their teeth,
Their ill breeding, mincing manners,
But I can't pardon fashion rot
And their clumsy etiquette.*

Чрезвычайно любопытное совпадение: ещё за четыре года до этой Пушкинской характеристики отсутствие «тонкой вежливости знати» у псковитянок отметила Анна Петровна Керн в своём дневнике (она с супругом – генералом Керн, служившим в Пскове, часто бывала в доме Адеркаса): «Мы только что возвратились, проведя довольно приятный вечер у губернатора. Танцев не было: мы гуляли в саду, пили там чай... Нужно вам сказать, что губернаторша очень красива, но в ней совсем нет любезности большого света».

Справедливости ради надо отметить, что и Пушкин отнёсся непочтительно к губернскому обществу, шокировал его необычностью своего поведения (например, «Играю в бабки с городскими мальчишками») и подчёркнуто простонародным костюмом, в котором появлялся иногда в городе (у Онегина точно такой же наряд был):

Now a curious coincidence should be mentioned. Four years before Pushkin's mentioning the absence of «a subtle courtesy of the elite» in Pskoviate-ladies (Pskovityanki) the same fact had been stated by Anna Petrovna Kern in her diary (with her husband, general Kern, who served in Pskov, she often visited the Aderkas'): «We've just come back, having spent a pleasant evening at the Governor's place. There were no dances: we walked in the garden, drank tea there... I must say, that the Governor's wife is very beautiful but she utterly lacks courtesy of the great world».

It is fair to say that Pushkin himself treated the province society disrespectfully and shocked them with the unusualness of his behavior - as he himself wrote: «Play in babki (Russian out-doors game) with city boys»; or with his deliberately common people looking attire in which he sometimes appeared in the city – exactly like that Onegin wore:

*Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспаику
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный. – Сим убором чудным,
Безнравственным и безрассудным,
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина,
А с ней Мизинчиков...*

*He used to wear a shirt styled Russian,
And for a sash a silk kerchief,
A Tatar armiak unbuttoned,
A hat with a roof that seemed to drift.
By this attire very queer,
So much immoral, reckless even,
Was madam Durina in Pskov
Distressed. So was Misinchikov...*

Борис Антонович фон Адеркас, родом из обедневших прибалтийских немцев («Хотя человек и добрый, но был прежде полицмейстером» – так отозвалась о нём Прасковья Александровна Осипова – соседка Пушкина), был и по свидетельству тайного агента Корпуса жандармов Бошняка – «добрый человек, но слишком беден, чтобы управлять губерниею по-надлежащему», в отношениях с Пушкиным занял приемлемую для поэта позицию – перед властями в своих донесениях выказывал свою строгость и бдительность в выполнении предписаний, а ссыльному поэту излишне не докучал, справедливо опасаясь нарваться на едкое замечание и острую эпигramму. И Пушкин, прекрасно понимая двусмысленное положение своего стража, ограничился весьма необходимым четверостишием, адресованным губернатору:

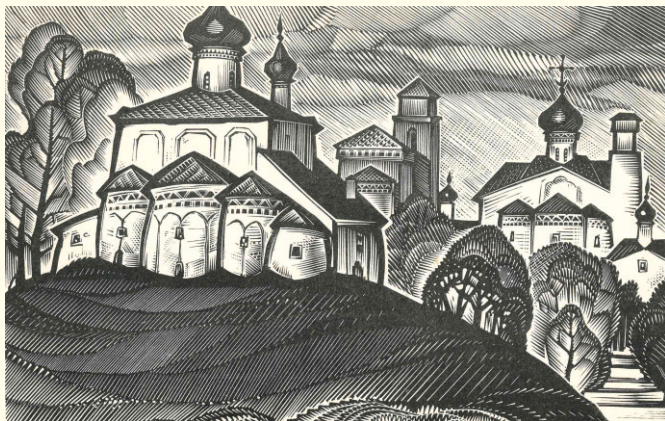
*Господин фон Адеркас,
Худо кормите вы нас.
Вы такой же ресторатор,
Как великий губернатор.*

Boris Antonovich von Aderkas came from impoverished Baltic Germans. «Though a kind man, but a former chief of city police» - that's how Pushkin's neighbor Praskovya Aleksandrovna Osipova spoke of him. According to the statement of certain Boshnyak who served as a secret agent of the Gendarmes corps, von Aderkas was «a good man but too poor to govern the province in a due way». Concerning the relations with Pushkin the governor kept to an acceptable for the poet position – in his reports to the authorities demonstrated his strictness and vigilance in carrying out the instructions, in fact not bothering the poet too much fearing, and not without reason, to run up on a caustic remark or a sharp epigram. Pushkin, understanding very well the ambiguous position of his guard limited him-self to an inoffensive quatrain addressing the Governor:

*Monsieur von Aderkas,
How badly you feed us.
You are as good a restaurateur
As great a governor you are.*

Губернатор при первой же встрече с Пушкиным в сентябре 1824 года позволил поэту безо всякого уведомления в любое время приезжать в Псков, однако Пушкин воспользовался этим милостивым разрешением спустя год – осенью 1825 года.

У поэта завершалась работа над «романтической трагедией», истинно народной драмой «Борис Годунов», и для получения новых впечатлений об исторических событиях, свидетелем и участником которых был древний Псков, Пушкин приезжает в губернскую столицу.

At the very first meeting with Pushkin in September 1824, the Governor allowed the poet to visit Pskov whenever he chose without any permission, a privilege Pushkin made use of only a year after – in autumn 1825.

He was about to finish his work at the «romantic tragedy», a truly Russian people's drama «Boris Godunov», and for getting some new impressions about the historic events of which ancient Pskov had been a witness and a participator, Pushkin visited the province capital.

«На днях, увидя в окошко осень, сел я в тележку и прискакал во Псков. Губернатор принял меня очень мило», – это из письма Василию Андреевичу Жуковскому, а Петру Андреевичу Вяземскому об этой же поездке во Псков Пушкин более откровенно и подробно изложил о своих встречах во Пскове: «Губернатор... был весьма милостив, дал мне переправить свои стихи-с. Вот каково!»... и далее... «Я из Пскова написал тебе было уморительное письмо – да сжѐг» (примеч.: Может быть, вспомнил поэт прошлогоднее признание об увлечении «афеизмом», сделанное в письме тому же Вяземскому – письме, перлюстрированном почтовыми чиновниками, докладывающими царю о подобных признаниях, признании, послужившем поводом для его высылки в деревню – вспомнил, поосторожничал и сжѐг письмо – видимо, не было надёжной okazji переслать другу письмо).

Любопытно и еще одно предложение из этого же письма: «Тамошний архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения». Каламбур, которым был встречен поэт в архиерейской резиденции Псковского архиепископа Евгения Казанцева в Снетогорском монастыре, свидетельствует об остроумии и начитанности церковного главы Пскова – он уже успел к октябрю прочитать напечатанную в Петербурге в августе 1825 года первую главу «Евгения Онегина».

«The other day at seeing autumn out of the window, I got into the cart and galloped to Pskov. The governor received me very amiably» - it's a fragment from the letter addressed to Vasily Andreivitch Zhukovsky. But to Pyotr Andreevitch Vyazemsky he wrote about that very visit to Pskov and some meetings there in a more frank and detailed way: «The governor... was quite gracious, he asked me to correct his own rhymes. That's it!»... and further on...«I was about to send you from Pskov an extremely funny letter – but then burnt it» (foot-note: quite possible that the poet remembered his last year's writing to Vyazemsky about his taking interest in atheism in the letter that was perused by post inspectors who informed the tsar about this, which eventually resulted in his exile. Remembered, and out of caution burnt the letter – apparently there was not a convenient opportunity of sending the letter to his friend).

One more sentence from this letter deserves some special interest: «Their bishop father Evgeny received me as the father of Evgeny». The pun with which the poet was met in the residence in the Snetogorsky monastery of bishop Evgeny Kasantsev of the bishop proves wit and erudition of the head of Pskov clergy, who by October had already read the first chapter of «Evgeny Onegin» published in Petersburg in august 1825.

А Пушкину посещение Казанцева было необходимо и для засвидетельствования перед властями своих усилий в духовном очищении от «афеизма» и в особенности для получения новых сведений и впечатлений об исторических событиях, показываемых им в «Борисе Годунове». Ему известно было, что предшественником Евгения Казанцева – Псковским архиепископом в 1816-1822 годах - был Евгений Болховитинов, который впоследствии написал «Историю Псковского княжества» и «Описание истории Святогорского монастыря». Пушкин, наверное, узнал от весьма осведомлённого псковского архипастыря историю Псковского Святого Николы Саллоса, гробницу с мощами которого поэт видел накануне в Троицком соборе.

The necessity to pay a visit to Kasantsev was caused by two reasons – to certify at the authorities a fact of spiritual purification from atheism, and mostly to get some new data and impressions about historic events for «Boris Godunov». He knew that in 1816-1822 the bishop of Pskov was Evgeny Kasantsev's predecessor Evgeny Bolkhovitinov, who, afterwards wrote «The History of Pskov Principality» and «The Description of Svyatogorsky Monastery». Probably Pushkin learned from well informed Pskov bishop the story of Pskov saint Nichola Salos, the sepulcher with his relics he had seen in the Trinity Cathedral.

Ведь это был редчайший на Руси случай, чтобы юродивый блаженный Николка был канонизирован, провозглашён Святým. За что? Оказывается, за то, что спас Псков и псковитян 18 февраля 1570 года от гнева грозного царя Иоанна IV, который приезжал в Псков после новгородского кровопролития и намеревался многих псковитян казнить, но, обличённый в кровожадности Николой, охладил свой гнев, приказал «иступить мечи свои о псковские камни» – и оставил псковитян в покое. Прекрасный поэтический материал использовал Пушкин в своей трагедии, наделив юродивого, обличающего царя Бориса, тем же именем – Николка.

Да, Николай Саллос спас псковитян, а спасённые псковитяне спустя 11 лет, в 1581 году, спасли Россию. И Пушкин с большим интересом прочитал в IX томе Карамзинской «Истории государства Российского» оценку этого подвига псковитян, выдержавшего осаду города 100-тысячным войском польского короля Стефана Батория: «...Псков спас Россию от величайшей опасности и память сей важной заслуги не изгладится из истории нашей, доколе мы не утратим любви к Отечеству и своего имени».

And, indeed, it was the rarest precedent in Russ that a yuorodivny (God's fool) became canonized and proclaimed a Saint. But why? Because he saved Pskov and the Pskovites on February 18, 1570 from the wrath of Ioann IY, the Terrible who came to Pskov after the cruel executions in Novgorod to punish Pskovites. But being accused by Nicholay of blood-thirstiness, the tsar restrained his wrath, told his people «to get their swords blunted against stones of Pskov», and left the Pskovites in peace. That wonderful poetic material Pushkin used in his tragedy giving the name of Nikolka to one of his characters - the yuorodivny, who accused tsar Boris.

Yes, Nicholay Salos saved Pskov and the saved Pskovites 11 years later, saved Russia. And Pushkin with great interest read in the 14th volume of «The History of Russian State» written by Karamzin about his great estimation of the exploit of Pskovites, who withstood the siege of 100-thousand army of the Polish king Stephan Bathory: «...Pskov saved Russia from the greatest danger, and memory of this important merit will not become effaced from our history until we keep love for our Motherland and our name».

Да, Псков, спасший Россию, подаривший Москве, царям идею, ставшую государственной доктриной «Москва – третий Рим, а четвёртому не бывать», Псков в XVI веке был самым крупным городом не только на Руси, но и во всей Европе; ведь не случайно тот же Баторий, полюбовавшись панорамой города, воскликнул: «Любуемся Псковом. Боже, какой большой город, точно Париж!...»

Однако в пушкинскую пору о былой славе «Господина Великого Пскова» напоминали только легенды, летописи, церкви и полуразрушенные крепостные стены и башни.

Сам Пушкин почему-то поэтических (да, впрочем, и прозаических) описаний Пскова не оставил, однако сподвиг на поэтический подвиг воспеть Псков сына своего псковского приятеля Николая Яхонтова – своего тёзку – Александра. А дело было так... летом 1826 года Пушкин гостил у Яхонтовых в имении Камно, что всего в 7 верстах от Псковского кремля по дороге на Изборск. Друзья отмечали именины шестилетнего сына хозяина, который удивил поэта прекрасной памятью, прочитав наизусть несколько строк из «Евгения Онегина».

Yes, Pskov saved Russia and gave Moscow and the tsars the idea, which became a ruling doctrine of the State «Moscow is the third Rome but a fourth one will never be». In the XVI century Pskov was the biggest city not only of Russia but of all Europe; Not for nothing, that same Bathory after enjoying the panorama of the city exclaimed: «Admiring Pskov. Good Lord, what a great city, exactly like Paris!».

But in Pushkin's time only legends, chronicles, churches and half-ruined fortified walls and towers reminded about the former fame of «Master Great Pskov». For this or that reason Pushkin would not leave poetic (as well as prosaic) descriptions of Pskov, though he roused to glorifying Pskov in poetry the son of his Pskovian friend Nicholay Yakhontov - his namesake Alexander.

That's how it happened... In Summer 1826, Pushkin was staying at the Yakhontovs' in village Kamno, which is 7 versts from Pskov Kremlin in the direction of Izborsk. The friends were celebrating the birthday of the six year old son of the host. The boy surprised the poet by his brilliant memory, having recited by heart several lines from «Evgeny Onegin».

Пушкин, растроганный, предрёк мальчику будущность поэта и Александр Николаевич Яхонтов, впоследствии друг Некрасова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, переводчик Гёте, Петрарки, Данте, выполнил поручение Пушкина, написав чудесные строки о Пскове – том Пскове, которым любовался и Пушкин:

*Меч тяжёлый Гавриила,
Златоверхий наш собор,
Князя Довмонта могила,
Запах древности, простор.
Чудотворные иконы,
Стены старого Кремля,
Башия, славная в дни оны
Чудной силой обороны
От Батура короля.*

Pushkin, being moved, foretold the boy the future of a poet. Alexander Nikolaevitch Yakhontov who later made friends with Nekrasov and Dostoevsky, who translated Goethe, Petrarka, Dante fulfilled Pushkin's message to have written wonderful lines about Pskov – the Pskov Pushkin could admire:

*Prince Garvriil's enormous sword,
Five cupolas of our Cathedral,
The grave of glorious Dovmont -
All smells of relics, old and dear.
And icons, miraculous icons,
The Kremlin with its ancient walls,
The Tower whose might and glory
Defending Pskov stopped King Bathory.*

.....
*Всюду старые заплаты,
След – кой-где – былых веков,
Да Поганкины палаты –
Вот он – добрый старый Псков!*

Да, в пушкинское время Псков сравнить по величине и значимости с Парижем было бы неуместно. В Пскове в это время проживало чуть более десяти тысяч человек – это помещики, чиновники, купцы, мастеровые, слуги, дворовые и множество лиц духовного звания.

.....

*Just everywhere are ancient patches,
Ghosts of the past here and there rove.
Then, add to this Pogankin's Chambers -
And meet our old and dear Pskov!*

Yes, comparing Pskov of Pushkin's time, as to its size and significance, and Paris would be irrelevant. At that time there lived scarcely more than ten thousand people in Pskov – landowners, clerks, merchants, craftsmen, servants, manor serfs and a lot of clergy.

За два года до приезда в Псков Пушкина вступающий в архипастырские обязанности Евгений Казанцев писал: «Город на равнине по обеим сторонам реки Великой (название), и вокруг равнина на необъятное пространство. Церкви и здания старинные неогромные. Собор в городе на высоте, трёхэтажный из тёсаного камня. Откуда ни едете, собор видите как над городом, и он единственная Краса города... Город старинный. Церкви нет меньше, как 200-300 и 400 лет, а иные больше 600; следственно прочности много, но нет той красы и виду, как в новейших городах... Граждане Пскова небогаты...

Two years before Pushkin's coming to Pskov, Evgeny Kasantsev entering upon his bishop duties wrote: «The city lies on a plain covering the both sides of the Velikaya river», and all around it stretches a flat boundless space. Churches and buildings are ancient, not big by size. The Cathedral stands on a hill, it is three-storey and made of stone. And from wherever you are approaching the city, the Cathedral is seen above it; so it's the only beauty of the city... The city is old. You won't find there a church younger than 200-300 and 400 years old. Some even more than 600; accordingly, all is solid here, but there is no loveliness and attractive aspect of modern cities...Citizens of Pskov are not rich...

Два собора, три монастыря, около полусотни церквей, множество деревянных домов, а каменных едва ли два-три десятка.»

В одном из двухэтажных домов (низ каменный, верх деревянный), стоявшем возле церкви Сергия с Залужья, около Сергиевских ворот крепости жил коренной псковитянин, владевший в губернии несколькими имениями, Гаврила Петрович Назимов (двоюродный брат известного декабриста), приятель Яхонтова (род Назимовых и род Яхонтовых – древние, известные на Псковщине многими заслугами и славными делами). Хлебосольный хозяин Назимов собирал у себя по вечерам образованных, умных людей, в т. ч. и петербургских знакомцев поэта: князя Цицианова и поэта Великопольского – офицеров Семёновского полка, расформированного за солдатский бунт в 1820 году. Солдат наказали шпицрутенами, а офицеров выслали из столицы для несения службы в провинциальные гарнизоны, так Цицианов и Великопольский оказались во Пскове. Пушкин имел с ними несколько встреч, а с Великопольским даже в карты играл, что позволял себе крайне редко испытывать судьбу, ибо выигрыши у него бывали чрезвычайно редкими. Великопольский же, азартный игрок, довольно богатый, позволял себе проигрывать огромные суммы (однажды ещё в Петербурге он за ночь проиграл 30 тысяч рублей – целое состояние).

There are two cathedrals, three monasteries, about fifty churches, a lot of wooden houses, and hardly two or three dozens of stone ones.»

In one of the two-storey houses (with stone bottom and wooden top), which stood near the Church of Sergiya from Zaluzhiya, at the Sergievsky gate of the fortress, there lived a native Pskovite Gavril Petrovich Nazimov who owned several estates in the province. He was a cousin of the well-known Decembrist and a friend of Yakhontov (the Nazimovs and the Yakhontovs are ancient families, known in the Pskov region for many merits and glorious deeds). In the evenings Nazimov, a bread-salted host, used to gather at his place educated, intelligent people, including the poet's acquaintances from St. Petersburg: Prince Tsitsianov and poet Velikopolsky - officers of the Semyonovsky regiment, disbanded for soldiers' revolt in 1820. The soldiers were punished with rods, and the officers were expelled from the capital to serve in provincial garrisons, thus Tsitsianov and Velikopolsky appeared in Pskov. Pushkin had several meetings with them, and even played cards with Velikopolsky, though he seldom allowed himself to tempt fate, because winnings happened very rare with him. But Velikopolsky, being a passionate gambler and a well-to-do man could allow himself to lose huge sums (once in St. Petersburg he lost 30 thousand rubles overnight - a real fortune).

Итак, встретившись в доме Назимова, два игрока-неудачника затеяли игру в штосс. Это произошло то ли 31 мая, то ли 1 июня 1826 года. Пушкину улыбнулось счастье (тем более, что в деньгах в это время у него была большая нужда) – он выиграл у Великопольского 500 рублей. Игру закончили, однако расплатиться с Пушкиным Великопольский не смог, ибо в кошельке у него такой суммы не было. Приятели условились встретиться позднее для расчёта (а может, неудачник попытался бы отыграться?). Однако на следующий день планы Пушкина изменились, он принял приглашение Назимова совершить поездку в его имение Преображенское, что в Знахлицком приходе, в 40 верстах от Пскова. В гостеприимном доме хозяина Пушкин расслабился и вновь решил попытать счастье – играл с Назимовым, но проиграл ему тоже 500 рублей и раздосадованный, решил не возвращаться в Псков, а поехать к себе в Михайловское, тем более, что имение Назимова находилось невдалеке от его имения, а с возвращающимся в Псков Назимовым послал Великопольскому письмо:

So, having met at Nazimov's place, the two loser-players started a game of shtoss. This happened either on May 31, or June 1, 1826. Fortune smiled upon Pushkin (it should be mentioned that he was in great need of money at that time) - he won 500 rubles of Velikopolsky. The game was over, but Velikopolsky could not pay off Pushkin, because he did not have such an amount of money in his wallet. The friends agreed to meet later for settling accounts (or maybe the loser would try to win back?). However, the next day, Pushkin's plans changed. He accepted Nazimov's invitation to visit his estate Preobrazhenskoye, in the Znakhlitsky parish, 40 versts from Pskov. In the hospitable house of the owner, Pushkin relaxed and again decided to try his luck - he played with Nazimov, but now lost 500 rubles to him. Annoyed, he decided not to return to Pskov, but to go right to his place in Mikhailovskoye, especially because Nazimov's estate was not far from his estate, but with returning to Pskov Nazimov he sent a letter to Velikopolsky:

*«С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штосс.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, увидишь почему.*

Сделайте одолжение, пятьсот рублей, которые вы мне должны, вернуть не мне, но Гавриилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно Александра Пушкина.

3 июня 1826

Преображенское».

*« I have a chance to settle with you again,
The singer of love now dull, now frisky,
You play the lyre very nice, my dear
But pretty bad, alas, you play at shtoss
Five hundred rubles, you have lost that evening,
Were and are eye-witnesses of this.
My fate is similar to yours, you know -
And now you will see, my friend, why so.*

Do me a favor to return the five hundred rubles that you owe me, not to me, but to Gabriel Petrovich Nazimov, with which you will greatly oblige Alexander Pushkin, who is sincerely devoted to you.

June 3, 1826

Preobrazhenskoe».

Великопольский, конечно же, вернул карточный долг Пушкина, но не захотел остаться перед ним в поэтическом долгу. Дело в том, что другой его страстью (первая - карточная игра) была поэзия и он пробовал свои силы и публиковался в литературных альманахах. Его друг (их общий с Пушкиным друг) Антон Дельвиг, издававший в Петербурге журнал «Северные цветы», напечатал стихотворение Великопольского и номер этого журнала подарил ему с надписью «Милому поэту». Тщеславие Великопольского было удовлетворено и в другом случае, когда в одном и том же журнале были опубликованы стихотворения его и Пушкина. И теперь «Милый поэт» по свидетельству Пушкина «в томленьях благородной жажды, хлебнув кастальских вод бокал», отвечает Пушкину, конечно же, в стихах:

*В умах людей как прежде царствуй,
Храни священный огонь души,
Как можно менее мытарствуй,
Как можно более тиши,
А за посланье — благодарствуй!*

Velikopolsky, of course, paid Pushkin his card debt, but did not want to remain in his poetic debt to him. The fact is that his other passion (the first one was card game) was poetry, he tried his hand in it and published poems in literary almanacs. His friend (their mutual friend with Pushkin) Anton Delvig, the publisher of the journal "Northern Flowers" in St. Petersburg, published a poem by Velikopolsky and gave him an issue of this magazine with the inscription «To dear poet». Velikopolsky's vanity was satisfied on one more occasion, when his and Pushkin's poems were published in one and the same magazine. And now «dear poet», as Pushkin put it, «in languor of noble thirst, having sipped a glass of Castalwaters», answered Pushkin, of course, in verse:

*Reign in the minds of people as before,
And keep the sacred fire of the soul
Go, if so, through only little ordeal,
Do better write as much as you just can.
And for the message - thank you very much!*

*Не прав ли я, приятель мой,
Не говорил ли я заране:
Не сдобровать тебе с игрой,
И есть дыра в твоём кармане!
Поэт! Ты честь родной стране,
Но, – смелый всадник на Пегасе, –
Ты так же пылок на сукне,
Как ты заносчив на Парнасе!
Конечно (к слову то нейдёт),
С тобою там никто не равен:
Ты там могуч, велик и славен,
Перед тобою всё падёт.*

*Wasn't I right, my dear friend,
Did not I tell you beforehand:
The game won't bring you any good
And in your pocket there's a hole!
Poet! You are an honor of our land.
The bravest rider on Pegasus, -
You're as passionate on the cloth
As arrogant you are on Parnassus!
Of course (it's spoken everywhere),
No one is equal to you there:
You are so great and glorious there,
All fall before you - that is fair.*

*Тебя приветствует и нежит, —
Но, друг, в игре не тот расчёт:
Иной пяти не перечтёт,
А вмиг писателя подрежет...
В стихах ты — только что не свят,
Но счастье — лживая монета,
И когти длинные поэта
От бед игры не защитят!
Надменно плавая по небу,
Во многом ты подобен Фебу,
Но я боюсь, чтоб и во всём
Ты не пошёл его путем:*

*You are and welcomed, and caressed -
But, in the game the rules are other:
Some, who of poems never bother,
Can beat a writer in an instant...
In poetry you are almost holy,
But luck is just a deceitful coin.
And the mighty talons of the poet
Will not protect you in the game!
Floating haughtily across the sky
In many ways you are like Phoebus,
But I am afraid lest in everything
You should but follow his way:*

*Нет у тебя ни в чём завета,
И берегись, чтоб и тебе,
Подобно горестной судьбе
Вождя блистательного света
(Слова не сбудутся, авось!),
Подчас сойти бы не пришлось
К стадам блуждающим Адмета!*

Азартный и задиристый игрок Великопольский, таким образом вернув карточный долг Пушкина, переборщил явно в поэзии, пустившись нравоучительно наставлять Пушкина в жизненных вопросах. Пушкин простил ему запальчивость, быть может, намереваясь при встрече с ним объяснить.

*You do not stick to any canons,
And so beware that you, too,
Like t'was in woeful fate of the leader
Who reigned in the brilliant high world
(My words won't come true, I believe!)
Would step down before you're aware
To Admet's ever wandering herd!*

Thus, a gambler and cocky player Velkopolsky, returning Pushkin his gambling debt, clearly went too far in poetry, starting to moralize Pushkin in life matters. Pushkin forgave him his quick temper, perhaps, intending to have a talk with him when meeting.

Но встречи не было, история эта почти забылась, однако единожды не получив отповеди за негативные строки, Великопольский, осмелев, в феврале 1828 года издал свою «сатиру на игроков» – «К Эрасту» – в виде прекрасно напечатанной книжки с картинками и виньетками. В этой сатире её герой Эраст (Арист) рассказывает, как в одну ночь проигрывает в карты своё состояние, губит свою честь и лишается рассудка. Видимо, чтобы смягчить мрачность этой картины, Великопольский через несколько дней в газете Ф. Булгарина «Северная Пчела» № 26 публикует небольшую заметку по поводу вышедшей из печати сатиры, где сказано, что «автор имел цель самую благонамеренную предоставить всю гнусность картёжного мастерства, всю пагубу молодых людей, предающихся страсти к картам. Успеет ли он устранить первых, остановить последних, не думаем».

But no meeting happened, this story was almost forgotten. But once not receiving a reprimand for his negative lines, emboldened Velikopolsky, published in February 1828 his «satire on the gamblers» - "To Erast" - in the form of a beautifully printed book with illustrations and vignettes. In this satire, its hero Erast (Arist) tells how in one night he lost his fortune at cards, ruined his honor and got mad. Apparently, in order to soften the gloom of this story, a few days later Velikopolsky published in F. Bulgarin's newspaper «Northern Bee» No. 26, a small note on the satire that had come out of print, in which it was said that «the author pursued most loyal aim - to show abomination of gambling skill and a ruinous fate of young people who indulge in gambling. He did not think whether he would manage to eliminate the former and to stop the latter».

Пушкин, зная автора сатиры как страстного и притом бесхарактерного игрока, всего через четыре номера после публикации этой заметки, помещает в № 30 «Северной Пчелы» своё стихотворение, не подписав его «И. Е. Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков»:

*Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта – дельно миру!
Ему полезен розги свист.
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!*

Pushkin, knowing the author of the satire as a reckless and, moreover, spineless gambler, just after four issues following the publication of this note, placed his poem in No. 30 of «The Northern Bee», without signing it:
To I.E. Velikopolsky, the composer of «Satire on the Gamblers».

*So now your elegiac lyre
You've traded, our moralist,
Just on a pious satire?
I praise the poet – it's great for the world! -
It needs the whistle of a rod.
I am so sorry for your Arist:
With what a diligence he prayed
And how lucklessly he played!*

*Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь и так пропал!
Дамон твой человек ужасный.
Забудь его опасный дом,
Где, впрочем, сознаюсь в том,
Мой друг, ты вёл себя прекрасно:
Ты никому там не мешал,
Ариста нежно утешал,
Давал полезные советы
И ни рубля не проиграл.*

*Here are the youth: just got excited,
Lost heavily and, poor, failed!
Your Damon is an awful man.
Forget his perilous place
At which, however, I confess,
My friend, you well behaved:
You never bothered anyone there,
Consoled Arist in a gentle manner,
Gave useful pieces of advice
And have not lost a ruble ever.*

*Люблю: вот каковы поэты!
А то, уча безумный свет,
Порой грешит и проповедник.
Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:
Некто, мой сосед,
В томленьях благородной жажды,
Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.*

*I love: that's what some poets are!
When teaching a mad world of this,
Sometimes even a preacher sins.
So listen then to me, heir of Persia,
Here is a story just for you:
It happened to one man, my neighbor,
Who by noble languor overwhelmed
Having sipped a glass of Kastal waters,
On gamblers, just like you, one day
Wrote a satire, very bad,
And to a friend with ardor read.*

*Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник:
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полдневного сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.*

*His friend, to answer him, in silence
Took cards and shuffled them all right,
Then cut them, and the moral writer
Alas! was punting through all night,
Maybe you, too, know that mischief?
For me to meet him is a great feast:
I'm ready to stay up with him all night
And just until the noon comes bright
His moral messages to read
And all his losses to write down.*

И. Е. Великопольский узнал автора послания, начинающегося словами «Так элегическую лиру...», и непременно отправил Булгари-ну для напечатания в его газете «Ответ знакомому сочинителю послания ко мне, помещенного в № 30 «Северной Пчелы»:

*Узнал я тотчас по замашке
Тебя, насмешливый поэт!
Твой стих, весенней легче птички,
Порхает и чарует свет.*

I.E. Velikopolsky recognized the author of the message beginning with the words «So an elegiac lyre ...» and immediately sent Bulgarin «The answer to a familiar composer of the message for me, placed in No. 30 of «Northern Bee» to have it published in his newspaper:

*I recognized you, mocking poet
By that peculiar manner of yours!
Your verse, much lighter than a spring bird,
Is fluttering, enchanting world.*

*Я рад, что гений удосужил
Тебя со мной на пару слов;
Беседы дружеских часов.
С твоим проказником-соседом
Знаком с давнишней я поры:
Обязан другу он последним
Уроком ветренной игры.
Он очень помнит, как сменяя
Былые рубрики в кисте,
Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе.*

*I'm glad the genius has bothered
You to exchange some words with me;
And you revealed so very nicely
Those our friendly hours talks.
And your mischievous neighbor
Is my acquaintance since old days:
He owes his friend that very lesson
Of the windy game in the recent play.
He also very well remembers
How counting roubles in a case
Chapter the second of «Onegin»
Was riding modestly on an ace.*

*Блуждая в молодости шибкой,
Он спотыкался о порог;
Но где последняя ошибка,
Там первый мудрости урок!*

Ф. В. Булгарин не решился напечатать эти стихи без позволения Пушкина, а тот не дал своего согласия на их напечатание и написал Великопольскому довольно колкое письмо: «Любезный Иван Ермолаевич. Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не мог согласиться: «Глава Онегина вторая Съезжала скромно на тузе» и ваше примечание – конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочие очень милы.

*And wandering in young days restless,
Over the threshold stumbled he;
But where is the one's last error
The first wisdom lesson there may be!*

F.V. Bulgarin did not dare to publish this verse without Pushkin's permission, but the latter objected to publishing it and wrote to Velikopolsky a rather sharp letter: «Dear Ivan Ermolaevich. Bulgarin showed me your very nice stanzas in response to my joke. He told me that the censorship does not allow them without my consent. Unfortunately, I could not give my consent. «Chapter the second of «Onegin» Was riding modestly on an ace» and your note are, of course, as individual as indecent. And the whole stanza is unworthy of your pen. The others are very nice.

Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мере отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в 8-ю главу «Онегина»? Я не проигрывал 2-й главы, а её экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедии. Что, если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи.

Простите!

Весь Ваш А. П.»

Вот такая любопытная история произошла с Пушкиным в Пскове, история, получившая продолжение в поэтической перепалке Поэта и стихотворца-картежника.

After having informed me about this, Monsieur marshal of the province nobilit seems to me that you are somewhat displeased with me. Aren't you? At least your latest poem sounds bitter. Do you really want to quarrel with me and force me, your peace-loving friend, to include hostile stanzas in the 8th chapter of «Onegin»? I never lost in cards the 2nd chapter, but paid my debt with the copies of it, just as you have paid me yours with your parental diamonds and 35 volumes of the Encyclopedia. What if I will print this well-wishing objection of mine? But I hope that I have not lost your friendship and that on our next meeting we will peacefully take up cards and poems.

Sorry!

All yours, A.P.»

Well, such amusing was the story that happened with Pushkin in Pskov, and which turned into a poetic skirmish between the Poet and the rhymester-gambler .

Очень интересна и ещё одна история, следствием которой явился вольный и невольный интерес Пушкина к губернской столице – Пскову. Дело в том, что Пушкин, принужденный властями дать подписку о невыезде за пределы губернии, с первых месяцев своей ссылки вынашивал различные планы инкогнито или с официального разрешения покинуть Псковскую губернию.

Познакомившись с сыном хозяйки Тригорского Прасковьи Александровны Алексеем Вульфом, студентом Дерптского университета, он задумал получить разрешение на поездку в Дерпт для освидетельствования его на предмет болезни профессором Мойером (у Пушкина был аневризм – расширение «кровоовозвратных вен в нижних конечностях»). Разрешение было получено, но друзья поэта, ходатайствуя об этом, перестарались – Пушкину разрешили поездку во Псков, куда должен был приехать профессор. А он-то намеревался ехать в Дерпт, откуда с Вульфом под видом его слуги намеревался уехать за границу, поэтому поэт отверг этот вариант получения врачебной помощи, ибо ему не столько она была нужна, а он искал под видом болезни повод вырваться из-под полицейского надзора.

There is one more very interesting story the consequence of which was Pushkin's direct and indirect interest for the provincial capital - Pskov. The fact is that Pushkin, forced by the authorities to sign a recognizance not to leave the province, from the very first months of his exile had been hatching various plans how to leave it, incognito or on official permission.

Having met Alexei Wolf, the son of Trigorsky's owner Praskovya Alexandrovna and a student of the University of Dorpat, he decided to get permission for visiting Dorpat to be examined by Professor Moyer for disease (Pushkin had an aneurysm - an expansion of the «blood-returnable veins in the lower extremities»). The permission was received, but the poet's friends, petitioning for this, overdid it - Pushkin was allowed a trip to Pskov, to where the professor was supposed to come. But he intended to go to Dorpat, from where, with Wolfe, under the guise of his servant, he planned to go abroad. So the poet rejected this variant of receiving medical help, because it was not what he needed so much, in fact he was looking for a pretence under which he could escape from the police supervision.

На время Пушкин прекратил попытки лечения болезни, но в 1826 году с новыми силами принялся осуществлять ранее задуманный план. Он рассчитывал, что новый император Николай I на его просьбу о лечении откликнется с большим вниманием и благосклонностью. Через губернатора Адеркаса он отправляет летом 1826 года царю прошение:

«Всемиловитивейший государь! В 1824 году, имев несчастье заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства. Ныне с надеждой на великодушие Вашего императорского величества, с истинным раскаянием и с твёрдым намерением не противоречить моими мнениями общепринятому порядку (в чём и готов обязаться подпискою и честным словом) решился я прибегнуть к Вашему императорскому величеству со всеподданнейшею моею просьбою.

For a while Pushkin stopped trying to be treated for his disease, but in 1826, with a renewed vigor, he began to implement the previously conceived plan. He hoped that the new emperor Nicholas I would respond to his request for treatment with great attention and favor. Through the governor Aderkas, he sent a petition to the tsar in the summer of 1826:

«Most merciful sir! In 1824, having the misfortune of coming in for the wrath of the late emperor with a frivolous judgment regarding atheism, set out in one letter, I have been expelled from service and exiled to the country where I am now under the supervision of the provincial authorities. Now, with the hope for the generosity of Your Imperial Majesty, with true repentance and with a firm intention not to contradict the generally accepted order with my opinions (in which I am ready to pledge myself by subscription and my word of honor), I decided to resort to Your Imperial Majesty with my most gracious request.

Здоровье моё, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чём и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

Всемиловитейший государь,
Вашего императорского величества
верноподданный Александр Пушкин».

«Свидетельство медиков», упоминаемое Пушкиным, было следующего содержания: «По предложению его превосходительства господина Псковского гражданского губернатора № 5497, свидетельствован был во Псковской врачебной управе г. коллежский секретарь Александр Сергеевич сын Пушкин. При сем оказалось, что он действительно имеет на нижних оконечностях, а в особенности на правой голени, повсеместное расширение крововозвратных жил..., от чего г. коллежский секретарь Пушкин затруднён в движении вообще. Во удостоверение сего и дано сие свидетельство из Псковской врачебной управы за надлежащим подписал и с приложением её печати.

Июля 19 дня 1826 года.

Инспектор врачебной управы В. Всеволодов».

My health, shattered in my first youth, and a kind of aneurysm have long been requiring constant treatment, of which I present the medical certificate: I dare to ask for permission to leave for Moscow or St. Petersburg, or for foreign lands.

Most loyal subject to Your
merciful imperial majesty,
Alexander Pushkin»

The «medical certificate» mentioned by Pushkin was as follows: «At the suggestion of His Excellency Civil Governor of Pskov province No. 5497, Collegiate Secretary Alexander Sergeevich, son of Pushkin, has been examined at Pskov Medical Board. It turned out that he really has a widespread expansion of blood-returnable veins on the lower extremities, and especially on the right shin, which makes it difficult for Mr. Pushkin, Collegiate Secretary to move in general. To confirm it Pskov Medical Board gave this certificate with a genuine signature and sealed.

July 19, 1826.

Inspector of the Medical Board V. Vsevolodov»

«Милый доктор», как называл в письмах друзьям Пушкин Всеволодова, мягко говоря, лукавил, отмечая «затруднения в движении» поэта, известного своими наездническими способностями и излюбленными многоверстными пешими прогулками. Видимо, доктор искренне желал поэту помочь вырваться из заточения деревенского, из ссылки в Псковской губернии. На такое лукавство мог пойти только близкий, хорошо знакомый человек, если не сказать больше – приятель, друг. Однако надо иметь в виду, что первоначально, в 1824 году, когда Пушкину власти повелели в ответ на его просьбу лечить аневризм – обратиться в Псков к этакому доктору, и поэт, ещё не знакомый с ним, да к тому же раздражённый отказом в разрешении его поездки в Дерпт, нарушившим его планы побега за границу, о Всеволодове отзывался неприязненно и иронично, называя его в письмах друзьям «доктором-аматером», т. е. «доктором-любителем», «лошадиным доктором», и даже путал его фамилию. Но познакомившись с ним, он резко изменил к нему отношение. И было за что изменить это отношение.

The «dear doctor», as Pushkin used to call Vsevolodov in letters to his friends, to put it mild, was not quite frank noting the «difficulties in movement» with the poet whose horse-riding skills and many versts walks, he loved so much, were widely known. Apparently, the doctor sincerely wished to help the poet to escape from the village captivity, from the exile in the Pskov province. Only people being on good terms with you, or to say more - friends, would take to such a craftiness. However, it must be borne in mind that initially, in 1824, when the authorities ordered Pushkin, in response to his request regarding treating for aneurysms, to visit this very doctor in Pskov, and the poet, not yet familiar with him, and besides, annoyed by the refusal to leave for Dorpat, which violated his plans to escape abroad, spoke about Vsevolodov unfriendly and ironically, calling him in letters to his friends an «amateur doctor», «horse doctor», and even misused his name. But after making the acquaintance of him, he completely changed his attitude towards him.

Оказалось, что Всеволод Иванович Всеволодов, ведавший в Пскове городской больницей и больницей военного ведомства, был по-псковски штаб-лекарем. Он получил прекрасное образование, окончив Петербургскую медико-хирургическую академию, а врачебная практика, сделавшая его искусным доктором, принесла ему заслуженный авторитет не только в городе Пскове, но и в губернии. К тому же, увлекшись ветеринарией, он дополнительно сдал экзамен на звание ветеринарного лекаря и написал научные труды о лечении и разведении домашних животных. Ко всему этому «милый доктор» был добрым человеком, с сочувствием относившийся к Пушкину как к человеку и с увлечением читавший его сочинения.

Пушкин для вышеупомянутого медицинского освидетельствования приехал в Псков из Михайловского в июле 1826 года вместе с Николаем Языковым, возвращающимся в Дерптский университет на учёбу после каникул, во время которых поэты познакомились и стали друзьями.

And there were grounds for doing so. It turned out that Vsevolod Ivanovich Vsevolodov, who was in charge of the city hospital and the hospital of the military department in Pskov, was the principal physician in Pskov. He received an excellent education, graduating from St. Petersburg Medical and Surgical Academy, and medical practice, which made him a skilled doctor, brought him well-deserved authority not only in the city of Pskov, but also in the province. Moreover, being carried away by veterinary medicine, he additionally passed the exam for the title of veterinary doctor and wrote scientific works on the treatment and breeding of domestic animals. Besides, the «dear doctor» was a kind person who treated Pushkin with sympathy as a person, and read his works with enthusiasm.

For the aforementioned medical examination Pushkin came to Pskov from Mikhailovskoe in July 1826 together with Nikolai Yazykov, who was returning to Dorpat University to resume classes after the vacation, during which the poets met and made friends.

В этот приезд Пушкин, написав прошение царю, приложив свою подписку о непричастности к тайным обществам и медицинское свидетельство, сдал все эти документы губернатору Адеркасу, который всё это отправил своему начальству – Прибалтийскому генерал-губернатору маркизу Пауллуччи, сопроводив эти бумаги своим рапортом:

«Известный Вашему сиятельству, находящийся по высочайшему повелению под надзором губернского начальства и проживающий в имении отца своего коллежский секретарь Александр Пушкин, представив ко мне на высочайшее имя его императорского величества прошение, – просит представить оное по начальству.

Прошение сие на высочайшее имя, свидетельство о болезни и взятую от него, Пушкина, подписку о небытии им ни в каком тайном обществе... почтительнейше вашему сиятельству представить честь имею. Гражданский губернатор Б. фон Адеркас № 5498, 19 июля 1826 г. Псков».

On this visit, Pushkin, having written a petition to the tsar and enclosing a signed statement of his non-participation in secret societies and the medical certificate, handed over all these documents to Governor Aderkas, who sent all this to his chief, the Baltic Governor-General, Marquis Pauluchchi, adding to these papers his report:

«A known to Your Excellency Collegiate Secretary Alexander Pushkin, who is at present under the supervision of the provincial authorities and lives in his father's estate, having presented to me a petition in the Highest Name of His Imperial Majesty, asked me to submit it to the authorities.

This petition in the Highest name, a certificate of illness and a signed by Pushkin statement of his non-participation in secret societies... I have the honor to present most respectfully to your Excellency. Civil Governor B. von Aderkas No. 5498, July 19, 1826, City of Pskov».

Однако на все эти хлопоты ответа не последовало, а власти, дабы выяснить, чем занимается Пушкин в деревне, не подстрекает ли он крестьян к бунту, не распространяет ли он «возмутительных» стихов и пр. и пр., послали в Псковскую губернию тайного агента Болуняка, снабдив его, на всякий случай, и ордером на возможный арест поэта. Однако, как ни старался верный пёс жандармского корпуса, что-либо компрометирующего Пушкина ему обнаружить не удалось, и Пушкина власти не тронули. Но новый царь не забыл о Пушкине. Когда Николай I находился на коронации в первопрестольной, он послал в Псков фельдъегеря с требованием привезти в Москву Пушкина.

3 сентября фельдъегерь вручил Адеркасу предписание начальника Главного штаба генерала Дибича:

However, there was no answer to the taken trouble, but the authorities in order to find out what Pushkin was doing in the village, whether he was inciting the peasants to rebellion, whether he was spreading «outrageous» verses, etc., etc., sent a secret agent Boshnyak, supplying him, just in case, with a warrant for the possible arrest of the poet. But, no matter how hard the faithful dog of the gendarme corps tried to discredit Pushkin, he did not manage to find anything, and the authorities left Pushkin in peace. But the new tsar did not forget about Pushkin. When Nicholas I being in the capital at the coronation, sent a courier to Pskov with a demand to bring Pushkin to Moscow.

On September 3, the courier handed Aderkas the order of the Chief of the General Staff, General Diebitsch:

«Секретно. Господину псковскому гражданскому губернатору. По высочайшему государя императора повелению, последовавшему по всеподданнейшей просьбе, прошу покорнейше Ваше превосходительство: находящемуся во вверенной Вам губернии 10-го класса Александру Пушкину позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочным фельдъегерем. Г. Пушкин может ехать в своём экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу Главного штаба его величества». Пушкин, получив от Адеркаса вызов явиться немедленно во Псков, спешно собирается, в ночь на 4 сентября покидает Михайловское, а 5 сентября на рассвете в сопровождении фельдъегеря уезжает в Москву, где 8 сентября царь даёт ему аудиенцию, после которой говорит своим приближённым: «Я сегодня разговаривал с умнейшим человеком России». Закончилась ссылка, началась царская цензура, начался новый период в жизни поэта.

Поздней осенью 1826 года Пушкин возвращается в Михайловское, не задерживаясь в Пскове, спешит в деревню насладиться свободой:

«Secret. To Monsieur Pskov Civil Governor. By the Royal Emperor's order, in response to the most submissive request, I humbly ask Your Excellency about the following: to allow Alexander Pushkin, who is in the province of the 10th class entrusted to you, to come here with the courier delivering this message. M. Pushkin can ride in his carriage freely, not as a prisoner, but accompanied only by the courier; on arrival in Moscow he has to report directly to the duty general of the General Staff of His Majesty». Pushkin, having received a call from Aderkas to appear immediately in Pskov, hastily makes all ready, and on the night of September 4, leaves Mikhailovskoye. On September 5 at dawn, accompanied by the courier, he is leaving for Moscow, where on September 8 the tsar gives him an audience after which says to the persons in attendance: «Today I talked to the brightest man in Russia.» The exile ended, the tsarist censorship began. A new period started in the poet's life.

In the late autumn of 1826, Pushkin returned to Mikhailovskoye, without staying in Pskov. He hurried to the country to enjoy freedom:

«Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться в покинутую тюрьму вольным человеком». Наконец, в конце ноября, покидая Михайловское, Пушкин более чем на две недели задерживается в Пскове – не может выехать в Москву, ожидая лошадей и денег на дорогу. Он вновь посещает дом генерала Набокова, командовавшего дивизией, расквартированной во Пскове. Генеральская супруга Екатерина Ивановна приходилась родной сестрой Жано – Ивана Ивановича Пущина, и Пушкин узнал у неё новости о судьбе декабристов. От неё он узнал, что Пущин уже в Сибири, где находятся все «друзья, товарищи, братья» – участники небезызвестных событий. Узнал он и то, что уехала к супругу разделить судьбу каторжника Елизавета Нарышкина, псковитянка; намерена ехать туда Волконская, Муравьёва... Он сам скоро будет в Москве, застанет этих самоотверженных женщин до их отъезда в Сибирь... Надо послать весточку другу – лицейскому другу Жано:

«There is some poetic pleasure in returning a free man to the abandoned prison». But leaving Mikhailovskoye at the end of November Pushkin stayed in Pskov for more than two weeks - he could not leave for Moscow immediately, having to wait for horses and money for the trip. He again visited the place of General Nabokov, who commanded a division stationed in Pskov. The general's wife Ekaterina Ivanovna was a sister of Zhano (Jeannot) - Ivan Ivanovich Pushchin, and Pushkin learned from her the news about the fate of the Decembrists. From her he learned that Pushchin was already in Siberia, where all the «friends, comrades, brothers» - participants in the notorious events - were located. He also learned that Elizaveta Naryshkina, a Pskovite, had already gone to her husband to share the fate of the convict; Volkonskaya just intended to go there ... Muravyova ... He himself will soon be in Moscow, he will find these selfless women before they leave for Siberia ... He must send a message to his friend - a lyceum friend Zhano:

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

13 декабря 1826 г. Псков

*O you, my first friend, friend so close!
And I could also bless my fate
When once my yard so very lonesome
All covered up with yearning snow
Was cheered up with your sleigh-bell.
I pray to heaven for salvation:
May now my voice grant to your soul
Alike to that a consolation,
Make brighter your incarceration
With light of lucid lyceum days!*

December 13, 1826 Pskov

Назавтра, 14 декабря, исполнится год, как Пущин и их общие «друзья, товарищи, братья» выступили на Сенатской площади столицы против самодержавия. Пушкин подумал, что Пущин, получив его привет, расскажет друзьям о нём. Но нет, этого мало. Надо ободрить всех, сосланных на каторгу в Сибирь...

И тогда в едином порыве рождаются строки послания им всем:

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:*

In a day, on December 14, it would be a year since Pushchin and their mutual «friends, comrades, brothers» had come out on the Senate Square of the capital against the autocracy. Pushkin thought that Pushchin, having received his message, would tell his friends about it. But that was not enough for him. He thought now of encouraging everyone who had been sent to the penal servitude in Siberia...

And then, in a single burst, the lines of the epistle to all of them are coming into being:

*In the very depth of Siberian ores
Keep you, my comrades, proud patience
Your sorrowful labor won't be lost
Nor will your thoughts' high aspiration.
And of misfortune's sister true
Your hope in a dungeon somber
Will wake up liveliness so joyful,
Awaited time will come to you:*

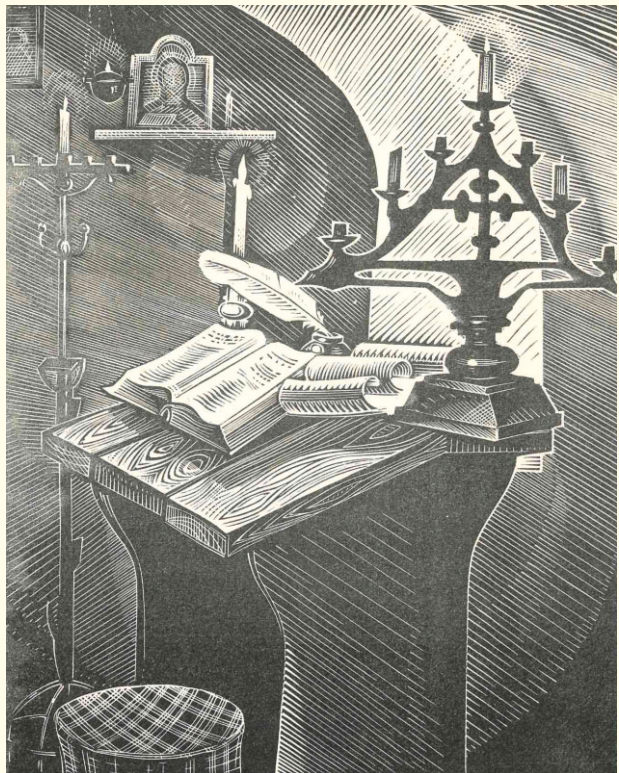
*Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.*

Эти послания в Сибирь Пушкин отдаёт в Москве Александре Муравьёвой, и та вручает их декабристам.

*Our love and friendship will reach you
Through dismal gates and dismal padlocks
Like in your penal servitude holes
Now my free voice reaches too.
The heavy shackles then will fall
Dungeons will fall - and freedom dear
Will welcome you just at the entrance,
And brothers give back swords to you all.*

In Moscow Pushkin gave these messages to Siberia to Alexandra Muravyova, and she handed them over to the Decembrists.

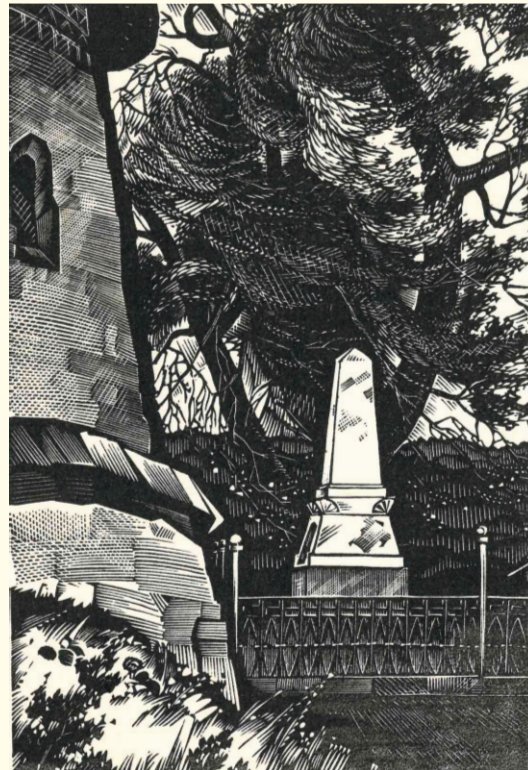

Двухнедельное пребывание Пушкина в Пскове в конце 1826 года было последним длительным посещением Пскова. Впоследствии в 1827, 1830 и 1836 годах он бывал в Пскове только проездом, задерживаясь в губернской столице на несколько часов или всего на один день. Всего за свою недолгую жизнь Пушкин побывал в Пскове 17 раз, прожил здесь 77 дней. В последний раз – 5 февраля 1837 года – в древнем Пскове на несколько часов задержался траурный поезд, который отвозил Пушкина на Вечный Покой в Святые Горы:

*От вас беру воспоминанье –
А сердце оставляю вам.*

Pushkin's two-week stay in Pskov at the end of 1826 was the last long visit to Pskov. Subsequently, in 1827, 1830 and 1836, he visited Pskov only in transit, staying in the provincial capital for several hours or just for a day. In total, during his short life, Pushkin visited Pskov 17 times, lived here for 77 days. The last time it was on February 5, 1837, when in ancient Pskov for several hours was delayed the funeral train which was taking Pushkin to Eternal Peace in the Holy Mountains:

*I take a memory from you -
But leave, instead, my heart to you*

Для заметок

Для заметок

Матвеев Евгений Петрович

Пушкин в Пскове

Книга издана в рамках проекта «Пушкин и Псков» МАУК «ЦБС» г. Пскова

Руководитель проекта – Заслуженный работник культуры *Большакова Г. Н.*

Автор идеи и ответственный за выпуск – *Слабченко Л. В.*

Перевод – *Рыжова Т. С.*

Художественное оформление – *Русаков А. Р.*

Иллюстрации – *Васильев В. М.*

Matveev Evgeniy Petrovich

Pushkin in Pskov

The book is published within the project «Pushkin and Pskov»,
MAUK «CBS», the city of Pskov

Project Manager – *Bolshakova G.N.*, Honored worker of culture

Author of the idea and edited by – *Slabchenko L.V.*

Translation – *Ryzhova T.S.*

Book design – *Rusakov A.R.*

Illustrations – *Vasilyev V.M.*

